

Павел Сутулин

1941. ФИНЛЯНДИЯ: ЖЕРТВА ИЛИ АГРЕССОР?

«Даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года»¹ — такой итог исследованиям, посвященным подробностям вступления Финляндии во Вторую мировую войну, еще в 70-х годах прошлого века подвел финский президент У.К. Кекконен. С тех пор прошло уже более 30 лет, появились новые работы как финских, так и российских историков, освещающие мельчайшие аспекты событий 1940—1941 годов, в результате которых Финляндия оказалась в состоянии войны с СССР, и доказывающие, что Кекконен был прав в своем утверждении об агрессивном характере вступления Финляндии в войну. Но, несмотря на это, в работах российских историков и публицистов по-прежнему довольно распространено заблуждение, согласно которому вступление Финляндии в войну с СССР было вынужденным шагом, спровоцированным советскими бомбардировками ее территории 25 июня 1941 года. В этой статье автору хотелось бы кратко изложить ключевые моменты финско-германского сближения и продемонстрировать, что решение о вступлении в войну вместе с немецкими войсками было принято в Финляндии задолго до советских бомбардировок и что действия финских вооруженных сил 21—24 июня можно трактовать именно как начало войны против СССР.

После окончания Зимней войны Финляндия встала перед выбором новой внешней политики. Необходимо отметить, что первые дипломатические шаги послевоенная Финляндия делала все же в сторону скандинавского оборонительного союза. Еще 11 марта, за день до подписания Московского мирного договора, правительство Финляндии отправило в Швецию и Норвегию предложения о заключении союза, причем министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер в беседе с финским посланником 14 марта дал понять, что шведское правительство готово обсудить этот вопрос². Однако СССР продемонстрировал резко негативную реакцию по отношению к созданию такого альянса: 20 марта 1940 года ТАСС заявило, что «подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с.г.»³. Интересно, что нападки на СССР начинаются уже с этого момента: мол, если бы Советский Союз не высказался против шведско-финского союза, финны действительно вместе со шведами могли бы остаться в стороне от войны. Однако тут необходимо обратить внимание на два немаловажных момента. Во-первых, для того, чтобы оставаться нейтральным государством, этого нужно желать. Однако как только немцы дали понять финнам, что в ближайшее время планируют нападение на СССР, Финляндия сама стала проявлять инициативу по сближению с Германией именно в военном отношении. В общем-то, это являлось закономерным следствием тех настроений, которые царили в финском обществе в 30-х годах и которые очень хорошо охарактеризовал латвийский посланник в Финляндии в те годы: «В головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо великой державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией или Японией, чтобы реализовать свою программу (по присоединению Карелии к Финляндии. — Прим. П.С.)»⁴.

Само собой, в 1940—1941 годах эти настроения никуда не исчезли, наоборот, стали еще сильнее, смешавшись с желанием финнов вернуть утраченные в Зимней войне территории. Во-вторых, не стоит забывать, что влияние на Скандинавию и Финляндию оказывал отнюдь не только СССР — интересы Германии там тоже значили очень много. И Германия никогда не позволила бы Швеции и Финляндии заключить оборонительный союз, поскольку Рейху, заинтересованному в вовлечении в войну обоих этих государств, подобный союз только мешал. В этом отношении очень характерна реакция Гитлера на очередную волну разговоров о союзе со шведами в Финляндии в конце 1940 года: 19 декабря финнам было передано заявление фюрера, в котором говорилось, что *«если Финляндия заключит персональную унию со Швецией, то с этого момента Германия полностью прекратит проявление к Финляндии интереса»*⁵. Такой роскоши, как разрыв отношений с Германией, финны позволить себе, конечно, не могли, да и, разумеется, не хотели. Кроме того, перспективы создания северного союза вызывали негативную реакцию и в Англии⁶. Таким образом, мы видим, что идея скандинавского союза априори была обречена на провал, вне зависимости от позиции СССР. Да и сам факт существования такого союза вовсе не исключал возможности вступления Финляндии в войну.

После того как перспективы создания северного союза стали совсем не радужными, финны стали искать для себя нового союзника. И практически сразу нашли его в лице Германии. Первые шаги в области немецко-финского сближения были сделаны в сфере экономики. 5 мая 1940 года на переговоры в Хельсинки прибыла германская делегация, которая провела переговоры с премьер-министром Финляндии Ристо Рюти. На переговорах было достигнуто соглашение о возобновлении

прекратившихся во время Зимней войны поставок в Германию стратегически важного для последней сырья, в том числе меди и никеля. Показательно, что уже во время этой встречи финская сторона поднимала вопрос о поставках в Финляндию из Германии вооружения, однако немцы пока отклонили эту просьбу финнов⁷. Вскоре немецко-финское экономическое сотрудничество перешло в новую стадию: 29 июня был подписан договор, по которому доля Германии во внешней торговле Финляндии составила 40%. Тогда же финны пообещали немцам прекратить любые торговые отношения со странами, находящимися в состоянии войны с Германией⁸. Таким образом, финны окончательно перекрыли себе возможность торговли с Великобританией. Вскоре интенсификацией финско-германских торговых отношений обеспокоились и в Вашингтоне. Американский посланник в Хельсинки в этой связи имел беседу с Рюти, в ходе которой премьер-министр заявил, что теперь «финские власти предпочитают немецкие товары американским». На это эмиссар Соединенных Штатов ответил, что «такая дискриминация может создать неблагоприятное впечатление в США»⁹. Однако перспектива осложнений отношений с США, вероятно, волновала финнов меньше, чем перспективы сотрудничества с немцами. Таким образом, Финляндия уже в середине 1940 года совершенно добровольно поставила себя в экономическую зависимость от Германии. В этом свете очень странными выглядят заявления некоторых историков о том, что Финляндия была *вынуждена* пойти на союз с Германией из-за зависимости своей экономики от торговли с немцами. Как мы видим, финны создали такую ситуацию исключительно своими силами. Интересен и еще один момент: в конце апреля шведы приняли попытку договориться с Финляндией относительно совместной обороны Аландских островов на случай агрессии. В тот момент в Швеции очень опасались немецкого вторжения, а Аланды имели для шведов

стратегическое значение. 27 апреля в Хельсинки прибыла шведская делегация в составе генерала Раппе и командора Эриксона. Первоначально шведы встретились с главнокомандующим К.Г. Маннергеймом, однако тот не проявил заинтересованности в совместной со шведами обороне Аландов¹⁰. А 30 апреля со шведскими представителями встречался и Рюти, который прямо заявил, что его волнует только возможность нападения Советского Союза, германского же вторжения он не опасается¹¹. То есть в то время, как две скандинавские страны — Дания и Норвегия — уже были оккупированы Гитлером, а шведы готовились к войне, финны были совершенно спокойны в отношении своих будущих отношений с Германией. Впрочем, нельзя сказать, что их не волновала норвежская проблема, просто они видели ее в несколько ином ключе: весной 1940 года финны посылали запросы в Берлин относительно возможности поставок в Финляндию трофейного норвежского оружия¹². Что же касается Аландов, то финская концепция обороны архипелага не просто не предусматривала защиту островов от немцев, но и строилась на диаметрально противоположных принципах. Так, 18 декабря 1940 года Маннергейм через П. Талвела передал немецкому командованию просьбу об оккупации Аландского архипелага в случае начала войны¹³. Подобные предложения делались немцам и позднее, однако германская сторона, как известно, воздержалась от подобных действий.

Логика предоставления таких обширных преференций Германии требовала от финнов дальнейших, более решительных шагов по сближению с Рейхом. И шаги эти сделаны были. 4 июля на встрече с послом Германии В. Блюхером министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг заявил, что *«у населения Финляндии дружелюбные настроения к Германии нарастают подобно лавине»*. А затем добавил, что *«существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключи-*

тельно было бы сориентировано на Берлин», и, наконец, сообщил, что в Финляндии надеются, что «с помощью немецких армий могли бы через несколько месяцев вернуть территорию, которая перешла к России»¹⁴. Таким образом, финны дали понять немцам о своей готовности не просто сотрудничать с Германией, но и участвовать в совместных операциях против СССР. А ведь это еще только июль 1940 года. Причем нужно отметить, что финны сами старались вывести германо-финское сотрудничество на военный уровень. Безо всякого давления извне. Но на тот момент немцы еще не собирались оказывать финнам помощь такого рода, поэтому Блюхер ответил Виттингу, что «германо-финские отношения должны развиваться медленно и поэтапно, а не яростно или откровенно»¹⁵. Однако тонкий намек финнов на благосклонное их отношение к налаживанию более тесных взаимоотношений с Германией был в Берлине понят, и вскоре немцы решили воспользоваться таким подарком финских товарищей. 17 августа в Хельсинки прибыл подполковник Е. Велтъенс, который 18—19 августа провел переговоры сначала с Маннергеймом, а затем с Рюти, Виттингом и министром обороны Рудольфом Вальденом¹⁶. Велтъенс был уполномочен предложить финнам своего рода договор: финны соглашались на транзит немецких войск через Финляндию в Норвегию, а немцы, в свою очередь, обещают финнам начать поставки вооружения. Финны не возражали, и 12 сентября в Хельсинки было подписано соглашение о транзите¹⁷. Уже после этого Финляндия de jure потеряла нейтралитет, поскольку статья 5 Гаагской конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны от 18 октября 1907 года запрещает нейтральным государствам пропускать через свою территорию войска одной из воюющих сторон. Тем не менее 21 сентября первые суда с немецкими солдатами прибыли в порт финской Ваасы. До середины октября в Финляндии высадятся около 5 тысяч бойцов вермахта¹⁸. А к началу мая следующего года — 13 000¹⁹. Однако

этот финский «транзит» обладал и одной особенностью: далеко не все немецкие войска дошли до Норвегии — около половины прибывших остались в Финляндии, в основном — в Лапландии²⁰. Член риксдага К.О. Фрич писал по этому поводу: «Каждый, кто хотел, без труда мог убедиться в том, что происходившее в губернии Похьенмаа и Лапландии было не транзитом, а прямой оккупацией. Немецкие войска находились в стране совсем не в порядке транзитного движения, их размещали по гарнизонно, они строили склады, дороги, бараки и тому подобное»²¹. Таким образом, под предлогом транзита немецкие войска с согласия финского правительства, по сути, вводились в Финляндию. Параллельно с немецкими войсками в Финляндию прибывали и транспорты с вооружением, которое теперь финны имели возможность закупать в Германии. Причем первая партия оружия прибыла в Финляндию уже 26 сентября, хотя договор по поставкам был подписан только 1 октября²².

Видимо, именно согласие финнов на транзит немецких войск окончательно убедило Германию в реальности стремления Финляндии к союзу с Рейхом. Одним из следствий этого стало и изменение отношения к Финляндии в немецком командовании. Так, если в плане войны Германии против СССР, разработанном ОКХ в августе 1940 года, Финляндии отводилась лишь роль плацдарма, с которого немецкие войска будут наступать на север Советского Союза²³, то по стратегической разработке Лоссберга от 15 сентября финские войска уже должны были вместе с частями Вермахта осуществлять наступление на Мурманск и Ленинград²⁴.

Однако сами финны не были до конца удовлетворены сложившейся в сентябре ситуацией, и, в общем-то, не без оснований: от договора о транзите Финляндия, в отличие от Германии, получила куда больше проблем,

чем преимуществ. Ввод войск на территорию Финляндии серьезно обеспокоил СССР. Вскоре после высадки немцев в Вааса полпред Советского Союза в Финляндии И.С. Зотов лично встречался с Виттингом и попросил разъяснений финской стороны по сложившейся ситуации. А из Лондона в Хельсинки пришел официальный протест на действия финнов²⁵. То есть отношения Финляндии с европейскими державами значительно осложнились, и в то же время финнам не удалось получить от Германии никаких гарантий военной поддержки в случае втягивания Финляндии в войну. Вполне логично, что финны, предвидя осложнение отношений с заинтересованными странами после начала немецкого транзита, стремились к еще большему сближению с Германией, причем проявляя в этом все большую инициативу. Так, например, в середине сентября в Хельсинки было принято решение об отправке в Берлин посланника, которому было поручено встретиться, по возможности, с Герингом и поставить перед ним вопрос об оказании Финляндии военной поддержки в случае войны. На роль посланника был выбран генерал-майор запаса П. Талвела, который прибыл в Берлин 17 сентября и пробыл там до 25-го. Однако встретиться с Герингом за все это время так и не смог, что говорит о том, что в Германии пока не хотели форсировать развитие отношений с Финляндией. Тем не менее Талвела удалось наладить контакт с немецким генштабом по проблеме координации действий финской армии и Вермахта в будущей войне против СССР²⁶. Вскоре финское руководство повторило попытку наладить более тесные связи с немецким руководством, и 8 ноября Талвела вновь прибыл в Берлин, но и в этот раз ему не удалось встретиться ни с Герингом, ни с Браухичем, ни с Типпельскирхом, ни с Кейтелем, хотя аудиенцию у последних трех Талвела обещал организовать майор Альбеддил из ОКХ, с которым генерал имел встречу во время своего визита²⁷. В качестве успеха финского посланника можно отметить встречу с начальником штаба ВМС Герма-

нии контр-адмиралом О. Шнивиндом, с которым они имели беседу о военном положении Финляндии, в ходе которой Талвела, в частности, отметил, что «судьба Финляндии неотделима от Германии» и что необходимо, «чтобы военные проблемы Финляндии интересовали Германию»²⁸. И все же в целом первые попытки Финляндии наладить более тесные связи с Рейхом оказались неудачными.

На новый уровень финско-германские контакты стали выходить в декабре 1940 года. Этому способствовало сразу несколько событий. Во-первых, 27 ноября в отставку вышел президент Финляндии К. Каллио. Еще 28 августа у него случился инсульт, после которого президент практически отошел от государственных дел и его обязанности исполнял премьер-министр Рюти. Здесь необходимо сделать одно небольшое отступление. По сути, и до отставки Каллио, и тем более после нее ключевые решения в стране, особенно в области внешней политики, принимались очень небольшой группой лиц — так называемым внутренним кругом. В этот круг входили премьер-министр Р. Рюти, главнокомандующий К.Г. Маннергейм, министр обороны Р. Вальден, министр иностранных дел Р. Виттинг и лидер социал-демократической партии В. Таннер. Этот «внутренний круг» принимал важнейшие государственные решения без согласования как с остальными членами правительства, так и с парламентом, которые если и ставились о них в известность вообще, то уже постфактум. Наиболее показательным в этом плане, безусловно, решение о пропуске немецких войск через территорию Финляндии. По конституции этой страны иностранные войска могут быть введены на ее территорию только с согласия парламента. Однако решение о транзите было принято не только без согласования с парламентом, но и без его извещения. Доходило даже до откровенных конфузов, когда, например, министр внутренних дел Эрнст фон

Борн узнал о высадке немецких войск из сообщения полицейского управления Ваасы²⁹. Причем непонимание происходящего даже среди высокопоставленных чиновников страны было таким, что губернатор Ваасы, также звонивший Борну 21 сентября, интересовался у последнего, не началась ли новая война и нужно ли оказывать немцам сопротивление³⁰. Лишь 24 сентября, спустя три дня после прибытия частей Вермахта, «внутренний круг» счел возможным предоставить правительству информацию о происходящем³¹. Впрочем, столь плохая информированность кабинета министров не вызывает такого удивления, если знать, что Маннергейм, получив 18 августа предложение Велтъенса о транзите, даже не счел необходимым проконсультироваться по этому поводу с президентом Каллио³². И в дальнейшем «внутренний круг» принимал важные решения в обход правительства и парламента. Об этом же свидетельствуют и очевидцы тех событий: министр внутренних дел Борн в мае 1945 года сообщил шведской партии, членом которой являлся, что страной правит узкий круг лиц, в который входят министр иностранных дел, премьер-министр, президент и высшее военное руководство. Об этом же говорил и министр финансов Пеккала. А государственный советник Фагерхольм вспоминал, что «маленькая клика присвоила себе право решать жизненно важные вопросы»³³. Впрочем, следует отметить, что, хотя парламент и высказывал недовольство столь пренебрежительным к нему отношением со стороны «внутреннего круга», в целом он поддерживал его курс как во внешней, так и во внутренней политике. Так, например, в парламенте практически не поднимался вопрос об отмене военного положения, которое просуществовало в Финляндии вплоть до начала новой войны и которое, разумеется, давало обширные полномочия правительству. Больше того, 29 апреля 1941 года после долгих обсуждений парламент проголосовал за введение закона «О регулировании экономической жизни».

ни в чрезвычайных условиях», который расширял возможности правительства по контролю за экономической сферой³⁴. Таким образом, с молчаливого согласия парламента реальная власть в стране была сосредоточена в руках узкого круга лиц, который в конце 1940 года значительно укрепил свои позиции: после отставки Каллио на проведенных 19 декабря выборах победу одержал Рюти. А премьером вскоре стал помощник Рюти еще по работе в Банке Финляндии Ю. Рангель, который, будучи сторонником прогерманского курса в политике, также вошел во «внутренний круг». Разумеется, в результате подобных перестановок влияние «внутреннего круга» значительно выросло, что, в свою очередь, безусловно, облегчило финско-немецкое взаимодействие.

Вторым важным событием, произошедшим в конце 1940 — начале 1941 года, стало резкое ухудшение советско-финских отношений. Вызвано оно в первую очередь недовольством Советского Союза происходившими в Финляндии событиями. Здесь необходимо отметить, что советское руководство достаточно своевременно получало информацию о финляндско-германском сотрудничестве. В частности, Москва получала следующие сообщения о немецком транзите в Финляндии:

«В сутки перебрасывается один эшелон войск. 23.09.40 в порту Ваза высадилось 1500 германских солдат и некоторое количество в Оулу и Пори. Часть германских войск оседает в Финляндии с целью подготовки театра военных действий и подготовки финской армии. В Хельсинки продолжает поступать военное снаряжение».

«Транспортировка германских войск в Финляндию, начатая 23.IX.40 г., продолжается. Ежедневно из порта Вааса отправляется по 3 немецких состава с оружием, боеприпасами и горючим. В числе боеприпасов отмечены авиабомбы весом 500 кг...»

«По сведениям, исходящим от иностранных военных атташе в Германии, договор о переброске немцев через Финляндию на север Норвегии имеет цель посылки германских войск в Северную Финляндию для подготовки плацдарма против СССР».

«Немецкие войска в Финляндии продолжают оставаться. Данные о строительстве барачков в районе Вааса и создание баз в районе Рованиеми позволяют предполагать, что немцы в Финляндии оседают и будут оседать».

«В г. Пори около двух батальонов немецких войск. Офицеры и солдаты одеты в финскую форму... Численность немецких войск в Рованиеми составляет около 5000 человек...»

«Часть немецких войск оседает в виде гарнизонов в наиболее крупных и важных в стратегическом отношении пунктах Северной Финляндии... Отношение немцев к населению дружественное, покровительственное».

«Немецкие войска в Финляндии ведут себя как хозяева, разжигая страсти финской военщины на реванш с СССР. Сосредоточиваются постоянные, долговременные гарнизоны в пунктах: Рованиеми, Сондакюля, Ивало, Петсамо и Кемиярви, из которых основным центром... является Рованиеми»³⁵.

Таким образом, Советский Союз был прекрасно информирован и о самом транзите, и о том, что он использовался в качестве прикрытия скопления немецких войск в Финляндии. На основании сведений о транзите и прочих финско-германских контактах в НКВДе сделали вывод о «прогерманской ориентации Финляндии» и о том, что «политика финляндского правительства по отношению к Германии выглядит крайне заискивающей и лакейской»³⁶. Обеспокоенное таким положением дел в Финляндии советское правительство не собиралось безучастно наблюдать за тем, как Финляндия по-

степенно втягивается в орбиту немецкого влияния, и в конце 1940 года значительно усилило давление на финское правительство сразу по нескольким вопросам. В-первых, Советский Союз постарался оказать давление на финнов во время президентских выборов: 6 декабря во время беседы финского посланника в СССР Ю.-К. Паасикиви с Молотовым последний заявил, что, «желает ли Финляндия мира с Советским Союзом, будет понятно по тому, кого изберут президентом», и что такие кандидатуры, как Таннер, Маннергейм или Свинхувуд, советское правительство считает неприемлемыми³⁷. Впрочем, СССР был далеко не единственным государством, которое высказало свои пожелания относительно президентских выборов в Финляндии. 17 декабря руководитель отдела северных стран английского МИДа Л. Кольер заявил финскому послу в Великобритании Грипенбергу, что Лондон не желает видеть в качестве президента Финляндии настроенных прогермански Свинхувуда или Кивимяки³⁸. Берлин также обозначил свои симпатии. При этом там наиболее подходящим кандидатом считали не Свинхувуда или Кивимяки, избрания которых опасались в Англии и СССР, а Рюти³⁹, который и был в итоге избран. Таким образом, несмотря на все старания Великобритании и Советского Союза, президентом Финляндии стал именно тот человек, которого хотели видеть на этом посту немцы и который активно стремился к сближению с Рейхом.

Следующим объектом давления СССР стали никелевые рудники Петсамо. Еще 23 июня 1940 года в беседе с Паасикиви Молотов заявил, что «советское правительство заинтересовано в никелевых рудниках района Петсамо и желало бы получить на них концессию»⁴⁰. Тогда же было сказано, что Советский Союз устроило бы совместное финско-советское общество по эксплуатации месторождений. 27 июня Паасикиви передал сообще-

ние финляндского правительства о готовности продавать СССР 50% добываемого в Петсамо никеля⁴¹, хотя в это же время финны обещали поставлять Германии 75% его же⁴². К слову, советское правительство не было информировано о финско-немецких переговорах, что вызвало его недовольство. Тем не менее в июле СССР и Германия сумели договориться об объемах закупок никеля у Финляндии: СССР соглашался на получение 40% добываемых материалов, Германия — соответственно, 60%⁴³. Тем не менее попытки СССР получить концессию в Петсамо не прекратились, причем наиболее настойчивыми требования СССР стали в конце 1940 года. 1 ноября Молотов заявил Паасикиви, что затягивание решения петсаامского вопроса и антисоветская агитация в Финляндии свидетельствуют «о нежелании финляндского правительства иметь нормальные экономические и политические отношения с СССР и приведут к ответным мерам со стороны Советского Союза»⁴⁴. 19 ноября нарком вновь высказывал недовольство проволочками в деле передачи СССР концессии: «Для нас напрашивается вывод, что правительство Финляндии испытывает наше терпение, но всякому терпению приходит конец»⁴⁵. 19—23 декабря в Москве проходили переговоры между финскими и советскими представителями, однако после пяти встреч стороны так и не пришли к соглашению⁴⁶. Интересно, что во время этого советско-финского политического конфликта Британия выступила на стороне Советского Союза: англичане готовы были поддержать советские требования о предоставлении концессии, лишь бы только финский никель не попал в Германию⁴⁷. Тем не менее советско-финские переговоры постепенно зашли в тупик.

Столь активное давление на Финляндию в вопросе о Петсамо с советской стороны объясняется в первую очередь возросшей активностью немцев в Финляндии и

их интересами в этом районе. О том, насколько значимым для Германии было Петсамо, прекрасно свидетельствует тот факт, что он фигурировал в ключевых стратегических разработках немецкого командования: оборона Петсамо предусматривалась планом «Барбаросса»⁴⁸, а в распоряжении начальника штаба ОКВ Кейтеля командующему вооруженными силами в Норвегии относительно его задач по плану «Барбаросса» прямо указывалось на «важное значение» никелевых рудников для «вооружения Германии»⁴⁹. Впрочем, необходимо отметить, что решение об оккупации Петсамо было принято в Германии задолго до принятия директивы № 21 и даже до каких-либо консультаций с финской стороной: 26 августа начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер записал в дневнике: «Если Россия нападет на Финляндию, мы займем Петсамо»⁵⁰. Советское руководство, конечно, понимало важность Петсамо для Германии, тем более что даже Шуленбург говорил Молотову об интересах Рейха в этом районе⁵¹. Именно германская заинтересованность в петсамском никеле сподвигла СССР более настойчиво требовать от Финляндии контроля над копиями. По сути, в Петсамо СССР решал не экономические, а военно-политические задачи. Паасикиви в своих мемуарах писал по этому поводу: «Стремясь получить для себя руководство в никелевом производстве, Советский Союз считал необходимым добиться устранения там других великих держав и прежде всего обрести влияние на «переднем крае» у Мурманска, поскольку немецкие войска тогда уже находились поблизости, в Норвегии»⁵². Об этом же пишет историк Э. Вуорисярви: «Русские... начали устойчиво демонстрировать свое желание также иметь петсамский никель, хотя подлинной их целью было закрепиться в петсамском районе»⁵³. Иными словами, целью СССР в Петсамо был не сам никель, а возможность контролировать его поставки в Германию. То есть петсамский вопрос был одним из шагов советской политики конца 1940 —

начала 1941 года, общей целью которой было ослабление германского влияния в Финляндии. С той же целью Советский Союз вмешивался в процесс финских президентских выборов. Именно этим было продиктовано и еще одно требование СССР: об учреждении в Рованиemi советского вице-консульства⁵⁴. Подобное желание Москвы было обусловлено тем, что именно Лапландия, губернским центром которой и является Рованиemi, была главным центром скопления немецких войск в Финляндии, о чем Советский Союз, как было показано выше, имел довольно полную информацию. Таким образом, давление на Финляндию, оказывавшееся советским руководством в конце 1940 — начале 1941 года, прежде всего было направлено на ослабление финско-германских связей. Однако, к сожалению, жесткость и бескомпромиссность советских требований не только не позволили Советскому Союзу добиться поставленных целей, но и, наоборот, только подтолкнули финнов к более тесному сотрудничеству с Германией, в которой они видели защиту от восточного соседа. Причем во время кризиса в советско-финских отношениях Финляндия и сама шла на обострение противоречий с Советским Союзом. Так, например, в декабре 1940 года в Финляндии было запрещено Общество мира и дружбы с СССР. Созданное в мае этого же года в Хельсинки, общество уже к декабрю насчитывало более 40 тысяч членов⁵⁵. Существование подобной организации не устраивало финские власти, которые не очень-то церемонились с его членами. Так, 7 августа в Турку полиция с применением силы разогнала митинг, организованный обществом, в результате чего 17 человек было ранено⁵⁶. И вот в декабре, в разгар советско-финского политического кризиса, в Финляндии было принято радикальное решение по борьбе с обществом. И это при том, что Советский Союз неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в существовании общества. К примеру, в одной из своих бесед с Виттингом советский полпред

в Финляндии Зотов отметил, что «развитие отношений между Финляндией и Советским Союзом зависит от того вклада, который вносит Общество дружбы»⁵⁷. Тем не менее Финляндию это не остановило. Не менее проблемными были и ее отношения с самим полпредством. 30 декабря Вышинский потребовал от Паасикиви разъяснений относительно действий финских властей, направленных против советского посольства: «Полицейские власти в Финляндии создали для работников советского полпредства, под видом охраны полпредства, совершенно недопустимый режим изоляции наших работников от внешнего мира и от общественности. Полицейские власти берут под подозрение всякого финляндского гражданина, который приходит в полпредство по тому или иному делу. Финская полиция терроризирует посетителей советского полпредства, подвергая их всякого рода полицейским неприятностям»⁵⁸. Паасикиви передал претензии Вышинского в Хельсинки, однако вместо разъяснений получил оттуда меморандум, в котором финский МИД, в свою очередь, излагал целый ряд претензий к Зотову, из которых, как писал Паасикиви, «вытекает требование о его отставке»⁵⁹. От очередного витка конфликта советско-финские отношения спасла только неожиданная уступчивость, которую СССР проявил в этом вопросе: вскоре после того, как Паасикиви изложил советскому руководству позицию своего МИДа, Зотов под предлогом болезни был отозван из Финляндии, а на его место был назначен настроенный по отношению к Финляндии гораздо более дружелюбно П. Орлов.

Как видно, Финляндия с декабря 1940 года уже гораздо увереннее чувствовала себя в отношениях с СССР. И причиной тому были значительно улучшившиеся отношения с Германией. Так, 13 марта 1941 года Паасикиви записал в дневнике: «Маннергейм считал, что Советский Союз уступит в никелевом деле, если мы

будем тверды, потому что знает, что Германия в конце концов встанет на нашу сторону»⁶⁰. И основания делать такие предположения у Финляндии действительно были, причем начиная с декабря 1940 года. Именно в этот момент в Рейхе было принято окончательное решение о привлечении Финляндии к будущей войне в качестве союзницы. 5 декабря 1940 года на совещании с германским командованием Гитлер заявил, что в предстоящей войне против СССР будет участвовать и Финляндия⁶¹. В этих условиях в начале декабря с очередным визитом Берлин посетил П. Талвела, причем эта его поездка была гораздо результативнее предыдущих: в этот раз ему удалось встретиться и с Гальдером, и с Герингом. Первая встреча, 16 декабря, прошла с Гальдером. На ней обсуждался ряд стратегических и оперативных вопросов. Талвела рассказал Гальдеру о военном положении Финляндии, а также передал просьбу Маннергейма об оказании помощи Финляндии в обороне Аландских островов и Петсамо в случае начала войны⁶². Гальдер, в свою очередь, поинтересовался у финского посланника «о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении»⁶³. Таким образом, уже в декабре 1940 года представители финского и немецкого командования вели конкретные переговоры о совместных боевых действиях против Советского Союза. 18 декабря состоялась встреча Талвела с Герингом, в ходе которой финский эмиссар, в частности, заявил, что «у Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия... Стратегическое положение Финляндии является таким, что в ходе крупной войны с севера можно нанести серьезный удар по жизненным коммуникациям Северной России»⁶⁴. В ответ на это Геринг уверил Талвела в намеренности Германии осуществлять военное взаимодействие с Финляндией и заявил, что теперь, когда «Финляндия оказалась в сфере интересов Германии, вы можете, генерал, сказать маршалу (Маннергейму. — Прим. П.С.), что Финляндии

больше нечего бояться»⁶⁵. Воодушевленный тем, как прошли встречи с немцами, Талвела по возвращении в Финляндию записал в дневнике: «Надеюсь, что в наступающем году мы вместе с Германией разобьем русска (презрительное название русских. — *Прим. П.С.*), и тогда осуществится моя давняя мечта о Карелии»⁶⁶. Эту мечту Талвела прекрасно характеризует другая его фраза, произнесенная в 1922 году после неудавшегося анти-советского восстания в Карелии, в котором принимал участие и возглавляемый им отряд финских добровольцев: «Я убедился, что освободить Карелию от русска можно не иначе, как только взяв ее. Для освобождения Карелии потребуются новые кровопролития»⁶⁷.

А тем временем в Берлине 18 декабря была подписана директива № 21, в которой, среди прочего, говорилось: «В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии... Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко»⁶⁸. Интересно, что практически параллельно с этим первые наброски будущего нападения на СССР разрабатываются и в финском генштабе: 21 декабря был составлен план, согласно которому финские войска должны были вести наступление к северному побережью Ладожского озера, расчленив там советские войска, а затем вести наступление на Карельский перешеек «до того, как продолжится продвижение в глубь ладожской Карелии»⁶⁹.

Следующая важная встреча представителей немецкого и финского командования состоялась в конце января 1941 года, когда в Цоссен прибыл начальник генераль-

ного штаба финской армии генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. Предлогом для его поездки стало выступление перед немецкими офицерами об опыте финской армии, приобретенном во время Зимней войны. Это выступление действительно состоялось вечером 30 января, однако куда более важной была беседа между Хейнриksom и Гальдером тем же днем. Последний сделал о ней такую запись в дневнике: «16.30 — совещание с генералом Хейнриksom. Для доведения войск на границе до штатов военного времени (после объявления мобилизации) потребуется девять дней. Скрытая мобилизация. Однако ее нельзя сделать совершенно незаметной. Направление главного удара — по обе стороны Ладожского озера. Пять дивизий — южнее и три дивизии — севернее Ладожского озера»⁷⁰. Кроме того, Гальдер передал Хейнриксу информацию о планах немецкого командования по наступлению на Ленинград из Восточной Пруссии и на Мурманск с территории Финляндии⁷¹. Таким образом, начальники финского и немецкого штабов уже в январе обсуждали конкретные планы наступления на Советский Союз. Адьютант Гитлера майор Энгель так описал встречу Хейнрикса и Гальдера: «Начальник генерального штаба Финляндии генерал Хейнрикс находился в ОКВ, и ему намекнули о разрабатываемом плане «Барбаросса». Все были поражены тем, с каким воодушевлением этот руководитель отнесся ко всем планам»⁷².

Итогом поездки Хейнрикса стало в первую очередь то, что уже с февраля финское и немецкое командования приступили к решению конкретных вопросов, связанных с обеспечением будущего совместного наступления на СССР. 5 февраля начальник топографического отдела финского генштаба полковник Ю. Лайти отправил во все штабы и части финской армии запрос относительно наличия у них трофейных советских карт⁷³. А в конце февраля военно-топографический обзор при-

границной территории Финляндии был предоставлен немецкому командованию⁷⁴. 12 февраля в Финляндию прибыл главный квартирмейстер Люфтваффе генерал-лейтенант Г.-Г. Зейдель, который пробыл в Финляндии до 20 февраля и за это время успел провести переговоры с Маннергеймом, Хейнриksom и Талвела, совершить поездку на север Финляндии, где осматривал аэродромы для будущего размещения в Финляндии немецкой авиации, а также проинспектировать немецкую радиостанцию в Рованиеми⁷⁵. Причем вся эта поездка была замаскирована под «охоту на медведя»⁷⁶. Вслед за Зейделем, 18 февраля, Финляндию посетили начальник штаба армии «Норвегия» полковник Э. Бушенхаген и начальник армейской разведки майор Г. Мюллер. Бушенхаген встречался с Хейнриksom, главным квартирмейстером генерал-майором А. Айро и начальником оперативного отдела штаба финской армии полковником Тапола. По воспоминаниям Бушенхагена, «на этих совещаниях говорилось о возможностях операций из Средней и Северной Финляндии, особенно из районов Куусамо и Рованиеми, а также из района Петсамо. Эти совещания привели к полному единодушию»⁷⁷. Кроме того, на этих переговорах финны сообщили о своем намерении наступать на Петрозаводск и в очередной раз высказали пожелание о высадке немецкого десанта на Аланды⁷⁸. После совещаний с финскими представителями немцы в сопровождении Тапола отправились в поездку по Северной Финляндии «для того, чтобы на месте выяснить в районе Куусамо и восточнее Рованиеми и Петсамо возможности развертывания наших (немецких. — Прим. П.С.) войск и проведения операций из этого района... Эта поездка закончилась 28 февраля в Торнио, на финско-шведской границе. В последующих совещаниях были зафиксированы результаты этой поездки и было решено, что операции из района Куусамо и операции из района Рованиеми сулят успех, но что имеются серьезные трудности для наступления из рай-

она Петсамо на Мурманск. На этом закончилось мое совещание с финским генеральным штабом. В результате этой поездки был разработан главным командованием войск, находящихся в Норвегии, оперативный план, который предусматривал совместные операции с финской территории. Этот оперативный план был представлен в ОКВ и был утвержден»⁷⁹.

Вслед за Зейделем и Бушенхагеном Финляндию до июня 1941 года посетил целый ряд офицеров. В конце марта с ознакомительной поездкой в районе Петсамо побывал командующий горным армейским корпусом генерал Дитль, трижды — в марте, апреле и мае — Петсамо посещал командующий 2-й горной дивизией генерал Шлеммер. Кроме них, туда же ездили полковники Хенгль и Наке, майоры Дрюк и Цорн, капитаны Мюллер и Фуссенеггер, осматривавшие будущий театр боевых действий⁸⁰. Весьма показательно, что уже начиная с 18 февраля для пересечения норвежско-финской границы немецким офицером не требовалось даже предъявлять документы⁸¹. Необходимо отметить, что финские офицеры, в свою очередь, неоднократно посещали Германию. Еще 9 сентября 1940 года финская делегация во главе с генералом В. Тоумпо получила возможность ознакомиться с районом боев Вермахта и войск союзников. Причем в отчете о поездке отмечалось «огромное внимание и дружелюбность» немцев⁸². Позднее финны имели возможность посетить район боевых действий на Ла-Манше: в феврале—марте там побывала группа финских офицеров во главе с начальником штаба ВВС Финляндии подполковником Сарко, в апреле—мае — шестеро офицеров береговой артиллерии и флота во главе с командующим ВМС генерал-майором Валве. С 19 апреля по 5 мая командующий танковыми войсками Финляндии полковник Лагус в сопровождении подполковника Бьеркмана и ротмистра Лунтинена имел

возможность наблюдать за устройством немецкой танковой дивизии под командованием полковника Хаунштильда. Всего же в 1940—1941 годах Германию посетило около 70 финских офицеров⁸³.

Однако Германия, уже рассчитывавшая на помощь финнов в войне, стремилась к установлению еще более тесных связей с Финляндией. Тогда руководство Рейха дало понять финнам, что им «надлежит делами подтвердить свое желание... следовать германским курсом» и попросило о формировании финского добровольческого батальона СС. А поскольку следование германским курсом еще с 1940 года было для Финляндии основным приоритетом во внешней политике, в Хельсинки на этот шаг согласились без особых трудностей. Тем более что тогда же немцы подбодрили финнов заявлением о том, что «Германия в войне с Россией будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она захочет»⁸⁴. В результате 9 апреля в Хельсинки был открыт тайный вербовочный пункт под руководством бывшего начальника государственной полиции Финляндии Э. Риекки. Вербовка проводилась вплоть до начала июня, и за это время в Германию было отправлено более 1200 финских добровольцев. Там они были разделены на две группы: первая, общая численность которой в конечном итоге составила 421 человек, состояла из ветеранов Зимней войны и была рассеяна среди многонациональных подразделений 5-й танковой дивизии СС «Викинг». Вторая группа — 805 человек — состояла из необученных добровольцев и была направлена для прохождения обучения в лагерь СС в Вену. Позднее из нее был сформирован отдельный финский батальон СС, который также вошел в состав дивизии «Викинг»⁸⁵. Стоит отметить, что, начав вербовку добровольцев в СС, Финляндия в очередной раз нарушила

Гаагскую конвенцию о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, согласно которой «на территории нейтральной державы в пользу воюющих не могут быть формируемы военные отряды и открываемы учреждения для вербовки».

Что же касается границ Финляндии, о которых говорили немцы, то в конце весны в Германии решили осведомиться, какие границы хотела бы видеть Финляндия после победы над СССР. Соответствующий запрос поступил на имя финского посланника в Берлине Кивимяки 17 мая и немедленно был перенаправлен Рюти⁸⁶. Президент, в свою очередь, поручил составление заключения по этому вопросу генералу Айро. 30 мая финские предложения относительно новых границ были закончены. Айро предложил немецкому командованию 5 различных проектов будущей границы, выбор которых зависел от успехов стран Оси в войне с СССР и немецких интересов на Севере. Финский историк, профессор М. Йокиппи, дает такое краткое описание этих альтернатив:

«1. Если бы Советский Союз по-прежнему оставался серьезным фактором, то в таком случае Финляндия хотела бы только скорректировать свою восточную границу между Ладогой и Куусамо. Это было бы компенсацией за передаваемую территорию на Карельском перешейке (имеется в виду территория, отошедшая к СССР после Зимней войны. — *Прим. П.С.*), необходимую для обеспечения безопасности Ленинграда (около половины перешейка).

2. Во втором варианте исходили из того, что победившая Германия возьмет себе Кольский полуостров. В этом случае Финляндия могла бы присоединить Беломорскую Карелию, в которой от Кандалакши до Кемпи население было почти целиком финноязычным (за исключением территории вдоль железной дороги (Мур-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Павел Сутулин.</i> 1941. Финляндия: жертва или агрессор?	5
<i>Владимир Куваев.</i> Загадки «начального периода»	54
<i>Александр Музафаров.</i> Двойная тайна 1941 года — паника в РККА — причины, следствия, загадки	73
<i>Александр Дюков.</i> Главная тайна армии Андерса	162
<i>Андрей Резяпкин.</i> Коричневые политруки вермахта	201
<i>Дмитрий Лысков.</i> «Капуста» на службе ревизионизма	234
<i>Максим Токарев.</i> Тайны ордена Победы	256
<i>Александр Юсуповский.</i> «Историческая правда» в роли пропагандистской лжи: деонтологическая война с Россией	319